

ЛІТЕРАТУРНА ВІТАЛЬНЯ

Е.И. ЗЕЙФЕРТ,

*доктор филологических наук,
профессор кафедры теоретической и исторической поэтики
Российского государственного гуманитарного университета (г. Москва)*

ГЕРОЙ МОЕГО РОМАНА Постскриптум

В Алма-Ате на улице как дома: ни ветерка, листья даже не шелхнутся. Утром выйду – какой-нибудь листочек повернут к тебе ладошкой, и в той же позе вечером он ждёт твоего возвращения.

Был жаркий июльский день. Манили к себе горы со снежными верхушками, но дела крепко держали меня в истомлённом жарой городе. Майка и тонкие джинсы цвета моих кирпично-русых волос прилипли к телу. Хотелось прохлады и покоя.

Я зашла в маленькое кафе. Заказала овощной салат, круассан и бокал апельсинового сока с мякотью. За столиком напротив сидел молодой человек лет двадцати шести – двадцати семи: волосы цвета каштана спускались на плечи, светлая футболка подчёркивала загар. Он подмигнул мне. Я улыбнулась.

За его столиком не было ни еды, ни питья, ни посуды: как видимо, он ожидал заказ. Но официант прошёл мимо него, как бы не заметив. Окликнув официанта, я попросила себе ещё один бокал сока. Основательно утолила жажду. Расплатилась. В холле кафе, у большого, в рост, зеркала расчесала длинные, приставшие к влажной спине волосы, захлопнула сумочку, посмотрела сквозь стеклянную стену кафе на улицу и ринулась за автобусом, подъезжавшим к остановке.

В автобусе я заняла место у окна и уже с большим энтузиазмом в который раз принялась рассматривать Алма-Ату, один из моих любимых и любящих меня городов. Вдруг кто-то легонько положил на мою ладонь свою. Я оглянулась. Возле меня сидел незнакомец из кафе.

– Так вот Вы какая, – протянул он певучим, богато окрашенным голосом. Он отнял руку от моей.

– Какая?

– Молодая, – тон голоса был очень вежливым.

У него густо-синие радужки, тонкие пальцы с крепкими, довольно широкими лунками ногтей.

Моя остановка. Я говорю – мне пора выходить, выпархиваю из автобуса и устремляюсь к издательству, где меня ждёт мой новенький роман. По пути оглядываюсь: широкое заднее стекло автобуса увозит улыбку незнакомца – молодой человек пристально смотрит в окно, а ведь только что сидел в передней части салона. Ловок!

Захожу в издательство, здороваюсь с вахтёром и вдруг краем удивлённого глаза замечаю в фойе того же незнакомца: его лицо спокойно и задумчиво, но он явно ждёт меня, поскольку при моём появлении встаёт и идёт навстречу.

– Вы не знаете, кто это? – быстро киваю я вахтёру в сторону молодого человека.

– Это Альфред Шнитке, композитор, – благожелательным тоном экскурсовода объясняет вахтёр, интеллигентного вида мужчина в очках.

– Да-а-а, – удивлённо протягиваю я, собираясь резонно поспорить («Но он же умер!»), но тут замечаю, что вахтёр говорит о портрете, висящем за спиной приближающегося незнакомца. По-моему, синеглазого молодого человека вахтёр не видит. Мистика?

– Мёртвым охотно вешают портреты, – словно читает мои мысли вахтёр.

Незнакомец уже рядом.

– Елена, мне нужно с Вами поговорить. Я подожду Вас, – бархатный голос, внимательные глаза.

– Ждите, – я ускользаю за книгой, получаю сигнальный экземпляр, шуршу приятноми на ощупь, пахнущими типографской краской страницами, благодарю и... на ходу читаю. Я свидетельница чуда – слова, явленного на бумаге. Это чудо, всегда застающее меня врасплох. Как и любое другое чудо.

Но синеглазый невидимка ждёт меня. Я вспоминаю о нём и устремляюсь в фойе. «Нет, все его видят – что за глупости! – решаю я. – Но как он оказался в издательстве, ведь автобус уехал, а он здесь?» Я не успеваю тщательно додумать эту мысль (ну, наверное, попросил остановить ему, а шаг-то у него шире моего, вот и добрался раньше, но, впрочем, дорога ведь одна...), как оказываюсь возле живописного незнакомца.

Белый порог, яркое солнце. Он вежливо помогает мне спуститься, подав руку.

– Меня зовут Борис, – представляется он в небольшом кафе, куда мы забрели с ним для разговора.

– Моё имя Вы знаете. Но откуда?

– С этим знанием я родился.

– Да что Вы?! – я внимательно смотрю ему в лицо. Что он такое говорит?

– Я не нашёл Вас дома. Позвонил, Ваш муж любезно ответил, что Елена в Алма-Ате.

Тема моего мужа мне явно нравится: это самый дорогой для меня человек. Я не придумываю ничего лучше такого вопроса:

– Как у него дела? У него всё в порядке?

– Тон его был спокойный и вежливый. Я думаю, всё в порядке.

Я пью минеральную воду, ем печенье. Борис ничего не ест, как бы виновато глядит в зеркальную крышку столика.

– А ведь Вы не узнали меня, Лена. Меня зовут Борис Славинский.

Кусочек печенья едва не застрекает у меня в горле. Молодой человек продолжает:

– Я герой Вашего романа. Материализованный плод фантазии. Вы подарили мне дух и плоть.

Я кладу печенье на блюдце и больше к нему не притрагиваюсь. Что ж – именно в Алма-Ате я издала свой роман, но в магазины он ещё не поступил. Рукопись здесь читали человек десять. Перебираю в памяти знакомых – алма-атинских шутников. Вот дают! Найти такой типаж! Человеческую живопись!

– Большое спасибо, Борис. А Вы не знакомы, случайно, с Жорой Агеенко?

– Нет. Я близко знаком лишь с теми, кто внесён Вами в художественный мир романа. Благодаря Вам я общаюсь с замечательными людьми – Кириллом, Ивановой, Женей, Жанатом... И – о Боже! – с великими поэтами – Данте, Блоком, Рильке: я очень благодарен Вам за это. Ваш роман...

– То, что Вы читали мой роман, у меня сомнений не оставляет, – с лёгким раздражением замечаю я.

Он открыто улыбается:

– Вы не можете не верить мне. Я здесь, и я реальность.

Он такой милый и непосредственный, что я теряюсь.

– Но... я ведь Вас... убила, получается?

– Борис Славинский стал лишним в ткани романа. Не расстраивайтесь: мне не было больно. Ведь я сотворён из другой глины. Я не человек, я персонаж.

Разум возвращается в мою голову. Я звоню Жорке. Долго и путано объясняю ему ситуацию, по ходу восторгаясь его режиссёрскими способностями. Жора внимательно слушает (по-моему, он решает, что мне нужна психиатрическая помощь), отнекивается от всех моих упреков, перемешанных с восторгами, и приглашает вечером к себе.

– Лен, ты на солнце долго была? Смотри, не шути с этим.

Я прощаюсь, обещая зайти: вечер у меня свободен. Звоню ещё пятерым друзьям (конечно, писателям – наверное, это их рук дело!): двоих нет дома, поэт Гена Банников восхищается моей выдумкой, бард Наташа Бутенко смеётся, прозаик Вадим Гордеев, как

и Жорка, озабоченно советует остудиться и приглашает хоть сейчас в гости, он живёт у самых гор...

Я возвращаюсь к Борису. Он так взволнованно следит за моей реакцией на него, что я вдруг чувствую: я ему и в него верю.

– Я принёс Вам неприятности. Вы обеспокоены.

– Нет, что Вы!.. Я очень рада Вам.

Не удерживаюсь и касаюсь его плеча: он живой, плотский? Под рукавом футболки ощущаются крепкие мускулы, но сам он тонкокостный, гибкий, лёгкий. Именно таким (таким!) я видела его в своих творческих грёзах: смуглое лицо, закинутые назад волосы...

– Борис, Вы не в обиде на меня, что я заставила Вас столько пережить? – я оправдываюсь перед ним, точно не зная, кто передо мной – Борис Славинский, мираж, хороший фактёр.

– Нет, что Вы – я не в обиде! – он смотрит на меня в восхищении, мне это явно льстит. – Вы моя создательница, я люблю и уважаю Вас.

– Спасибо, – я растрогана.

Если это действительно Борис, то я боюсь его внутреннего содержания: я сама создала его экзальтированным, неуравновешенным. Или после своей смерти в романе он преобразился? Ведь он живёт в метафизической реальности – Небоскрёбе Парнаса, куда, по замыслу текста, после смерти попадают все писатели...

– К сожалению, мне разрешили пообщаться с Вами совсем недолго. Я должен передать Вам эту вещицу и исчезнуть, – Борис даёт мне ключ в виде гильзы, на нём выгравирован длинный номер. Гильза в моих руках.

– Никогда не расставайтесь с этой вещицей. До встречи! – он прощается и быстро выходит из кафе.

Я выбегаю следом, оставив сумочку, но Бориса нигде нет, он как в воду канул.

Понуро бреду в кафе. Со стороны, наверное, это похоже на ссору любовников, и официантка с сочувствием смотрит на меня. Значит, она видела Бориса? Или я общалась при ней с невидимкой?

– Какой красивый парень! – говорит женщина за соседним столиком своей подруге (она увидела его или говорит о другом человеке?), затаиваясь длинной сигаретой, и я испытываю смешанное чувство потери друга и восторга своим ребёнком.

Вечер в компании Жоры и Вадима я провожу, как сомнамбула. Ребята тщетно стараются вернуть меня на бренную землю. Бренчит Жоркина гитара, Вадим неустанно шутит... Я же пребываю в шоке.

.....

Ключ-гильзу, как медальон, я всегда ношу с собой. Моему мужу действительно звонил некий Борис. Своих координат он не оставил, был очень вежлив, не настойчив.

Попадая теперь в Алма-Ату, я безотчётно всматриваюсь в лица прохожих и вслушиваюсь в голоса.

2007 г.